

Нина Корчагина

ПЛЕНЕН БЕЗДУШНОЙ КРАСОТОЙ

ЛЕРМОНТОВ
ПОГИБ НЕ НА ДУЭЛИ

Нина Корчагина

Пленен бездушной красотой

«КнигИздат»

2026

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Корчагина Н. Н.

Пленен бездушной красотой / Н. Н. Корчагина — «КнигИздат»,
2026

ISBN 978-5-4492-0976-4

Нина Корчагина — публицист, литературовед. Член Союза журналистов СССР, член Союза писателей России. Работала в газетах и журналах Москвы и ближнего зарубежья, писала стихи, делала авторизированные переводы прозы. Печаталась в издательстве «Художественная литература», «Лесная промышленность», «Дрофа», «Московский Парнас», «Грифон», «Маска». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4492-0976-4

© Корчагина Н. Н., 2026
© КнигИздат, 2026

Содержание

Пушкин и Ундина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Нина Николаевна Корчагина

Пленен бездушной красотой

© Н. Н. Корчагина, 2026

© Оформление ООО «КнигИздат», 2026

Задача автора предлагаемой книги – привлечь внимание читателей, особенно молодых, к творчеству отечественных классиков и их судьбам.

В представленных эссе и очерках нет претензий на истину в последней инстанции. Истории жизни Лермонтова и Пушкина, написанные на основе писем современников писателей, анализа их творчества и изысканий пушкинистов и лермонтоведов, преломляются через призму авторского восприятия и раздумья над их судьбами. Н. Корчагина пытается ответить на волновавший ее долгое время вопрос: почему после женитьбы А. С. Пушкин оказался в духовном аду? Как ясновидение М. Ю. Лермонтова помогло предвидеть его гибель?

Небезынтересен нестандартный взгляд автора на образ Печорина, Демона и тему любви в произведениях Бунина и Куприна. Привлекут внимание читателей и штрихи к портретам известных зарубежных классиков, российских писателей, а также размышления о прочитанных книгах современных авторов.

Пушкин и Ундина

Пленен бездушной красотой

Вряд ли кто станет спорить, что Наталья Гончарова исчезла бы в круговерти жизни, как и тысячи подобных ей провинциалок, если бы ее пути не пересеклись с великим Пушкиным. Имя первого поэта России многих подняло из небытия. Джордж Дантес, к примеру, на взлете своей карьеры признавался, что никогда бы не достиг своего высокого положения на родине, если бы не дуэль с великим русским поэтом... И мое отношение к Натали так и осталось бы моим личным отношением, если бы мне в руки не попали книги современных авторов о ней. Сначала, в далекой юности, мадам Агнии Кузнецовой, создавшей образ несравненной красавицы, достойной подруги поэта. Потом мадам Горбачевой Н. Б. Книга так и называлась «Прекрасная Натали». Меня больше всего возмутило, что повествование автор строила на воспоминаниях Араповой, принимая все ей написанное за истину в последней инстанции. Надо же быть столь наивной (или ангажированной), чтобы верить всему, что говорит дочь Натали Николаевны от второго брака, которая родилась лет через восемь после смерти Пушкина. Главный источник ее информации – мать, т. е. вдова Пушкина, жена Ланского, главная задача которой была не возвеличить гений без времени и трагически ушедшего поэта, а представить себя невинной овечкой, себя, красавицу, в браке со «старым уродом». И мужа Александрины, которому тоже история жизни поэта была известна со слов сестер Гончаровых.

А вот трилогию жизнеописания жены Пушкина «Дева Наталья», «Погибельное счастье» и «...теперь Ланская» Фаины Пиголицыной я, при всем старании выполнить эту миссию, дочитать не смогла. Слащавая мелодрама, в которой герои говорят и думают по воле и воображению автора – примитивно, плоско. И снова Натали – дама, прекрасная во всех отношениях...

Я люблю Пушкина не так сильно, как Лермонтова, которого чувствую как родного и живого и над судьбой которого проплакала многие годы. Пушкина мне жалко. И за тот ад, в который он был ввергнут после женитьбы, и за те сплетни, которые разрастаются и множатся вот уже два столетия. Чего только я не «узнала» о бедном Александре Сергеевиче, так дорожившем своей честью, что предпочел бесчестию смерть.

Я не собираюсь вершить суд над женой Пушкина и Ланского. Спала она с императором или не спала, от кого она родила троих детей, кроме первой Маши, об этом размышляли, писали, свидетельствовали и без меня, и, если честно, весьма убедительно. По большому счету, мне все равно – хорошая она или плохая: история знает много случаев, когда мужчины любили женщин и злых, и преступных, и падших и погибали за них... Брали в жены и служительниц древнейшей из древнейших профессий – и ничего. Как говорится, кому что нравится. Я хочу, чтобы образ человека, реально существовавшего, был воссоздан объективно. К сожалению, а может, по счастью, жизнь приходится проживать набело с первого раза, она не предоставляет нам возможности отрепетировать свою судьбу или отредактировать ее черновик. Реально существовавших лиц нельзя ни приукрашивать, ни принижать в зависимости от собственных представлений о жизни и желаний. Это касается и Натали, и самого Пушкина.

Я просто хочу найти честный, соответствующий реальности ответ на вполне естественный и закономерный вопрос: что происходило в жизни Пушкина после женитьбы. Что сделала и чего не сделала его жена, чтобы первый поэт России мог спокойно творить, ведь знала же, с кем шла под венец? Почему она и пальцем не пошевелила, зная о предстоящей дуэли? И что заставило Александра Сергеевича провести последние шесть лет жизни в аду?

Для начала представим молодоженов.

К венцу идет 32-хлетний шестисотлетний аристократ, добившийся вершин Парнаса, которому безоговорочно принадлежит первенство на российском Олимпе. Больше того, его

открыто называют основоположником русской словесности... И он знает об этом. Без лишней скромности. Сказать, что он любит жизнь – ничего не сказать. Он, как ребенок, радуется ей. Он свой и в аристократических салонах, и у цыганского костра. Он может плакать над грустным, предвещающим судьбу романсом и мчаться впереди казаков с копьём наперевес на войско неприятеля. Он может рассуждать о судьбе мира умнее и правдивее многих философов и играть с чужими детьми, кувыркаясь, залезая под диван. Он и есть большой ребенок, открытый и радостный... «Веселый хохотун, кипучий собеседник, шаловливый повеса», – так характеризуют его друзья. Грешил он? Оступался? Конечно же, как и все мы, грешные, вольно или невольно. Но, в отличие от многих, умел плакать о своих грехах, искренно раскаиваться... Многие его не понимали, считая, что жизнь его и есть беззаботный смех, шутки, развлечения, поклонение Вакху и Афродите... Увы, видимое глазу времяпрепровождение молодого поэта, вырвавшегося из оков Царскосельского лицея, было таким. Но жизнь души, глубоко спрятанная за цинизмом, нарочитым желанием казаться хуже, чем есть, бравадой молодости, подчеркнутым атеизмом, теплилась, разгораясь...

Перед женитьбой, не услышав от старшей Гончаровой на свое предложение ни да, ни нет, он уезжает на войну. В Тифлисе, это тысячи километров от Петербурга (!), его встречают как самого дорогого гостя. Он купается в лучах долетевшей и досюда славы, принимает поклонение знакомых и чужих людей... Ему есть чем гордиться!

И во что верить.

В его «холостяцких» стихах все переливы беззаботной, манящей жизни: любовь, страсть, поклонение женщине, порой обожествление ее. Он первый в России профессиональный писатель, и гонорары позволяют ему безбедно жить.

Как-то в молодости я прочла, что только за юношескую поэму «Руслан и Людмила» поэт получил гонорар, превышающий всю движимость и недвижимость Аракчеева! Вот еще пример. Пушкину, выпускнику Царскосельского лицея, в Коллегии иностранных дел положили оклад – семьсот рублей в год. За «Кавказского пленника» молодому, 22-летнему, поэту Гнедич заплатил пятьсот рублей. Пушкин был недоволен – прижимист издатель. А через год за небольшую поэму «Бахчисарайский фонтан» Вяземский заплатил ему три тысячи. Это для сравнения: сколько получал госслужащий, то бишь чиновник, и каков был гонорар начинающего поэта, пусть гениального.

Испытав все радости и огорчения молодости, к тридцати годам Александр Сергеевич затосковал по тому, чего был лишен с детства: по семье. Отцу и матери не было никакого дела до проводившего досуг в отцовской библиотеке сына. Потому Пушкин так и любил лицей, куда его, «как кукушонка в чужое гнездо», подкинули родители, что тот стал для него настоящим домом, а лицеисты – семьей. Но человек так устроен, что ему хочется иметь свой дом: жену, которая и уют обеспечит, и домашних щей нальет, и с которой, проснувшись ночью, можно обсудить свои творческие замыслы...

Пушкин вкусил горечь многих разочарований и надеялся, что хоть семейная жизнь принесет ему утешение, подарит счастье. И, надежда умирает последней, рискнул довериться любви... Пережив сто двенадцать романов, больших и маленьких, несколько раз безуспешно посватавшись, выбирает шестнадцатилетнюю бесприданницу, покоровшую его невинной красотой на московском балу.

Промышленно-купеческий род Гончаровых, некогда преуспевающий, пришел в упадок: дед Натальи по отцу ухитрился промотать приличное состояние, нажитое его родителем торговлей бумагой и парусиной. Три девицы Гончаровы – бесприданницы, и очередь за их руками и сердцами не стоит. К тому же женихов смущает родословная: дед по матери к живой жене обманом привез венчанную любовницу из-за границы. Плодом этой любви и стала мать Натали – Наталья Ивановна, которую законная жена обманщика воспитала как свою дочь. Будучи

фрейлиной императрицы, Наталья Ивановна, унаследовавшая красоту своей матери-француженки, сошлась с любовником венценосной дамы, непосредственной своей начальницы, выражаясь современным языком. В результате неверного убили, а разлучницу срочно выдали замуж за Гончарова, который спустя годы лишился рассудка и жил отдельно от семьи в московском доме, а о Наталье Ивановне поговаривали, что она пристрастилась к выпивке и преуспела в амурных делах с прислугой...

Наташу с шестнадцати лет вывозили в свет, приглашали участвовать в живых картинах, восхищались едва распускаявшейся ее красотой, но руки, кроме Пушкина, никто не попросил. Это потом у нее, потому что стала женой первого поэта России, появились обожатели... Да и что она представляла из себя, эта «на четверть француженка, на четверть дворянка и на целую половину купчиха»? Она была красива, могла танцевать и щебетать по-французски, хотя, по свидетельству современников, мастерицей светских бесед не была, предпочитала отмалчиваться. Но в свете было много не просто красавиц, – умниц, с аристократическими манерами, знающих себе цену... А красота? Еще Эзоп предупреждал: к красоте привыкают так же, как и к уродству. Как долго может привлекать красивый, но пустой сосуд?

Вот в какую семейку вошел Пушкин: дедушка тратил тысячи на девиц легкого поведения, а приданое внучке пришлось приготовить жениху... Александр Сергеевич не скрывал своего гнева: «Дедушка – свинья, он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может выплатить мне моих 12 000 – и ничего своей внучке не дает».

Итак, Пушкин ведет под венец Натали. Он счастлив? Перед свадьбой – едва ли. Но почему? Два года с таким упорством добиваться, а, добившись, хандрит?

Любимый пушкинский афоризм: «Как ни шути с судьбой, она шутит куда сильнее». Вот уж поистине... К одной невесте Пушкин опоздал в назначенный срок; когда посватался к другой, пошли слухи о «Гавриилиаде» – отец невесты ему отказал. Оставалась одна Натали, да и то за два года поэт изрядно поостыл к ней, много раз готов был, по словам Вяземского, заключить отступной контракт... Было и еще одно важное откровение, судьбоносное. Но Пушкин любил доводить любое начатое дело до конца... А, может, поверил в неотвратимость судьбы.

С этого момента она и закрутила готового надеть брачные узы поэта... Так и хочется спросить его через столетия: что же ты так упорствовал в борьбе с ней?

Но если жизненный путь предопределен, зачем давать знаки? Предостерегая, предлагая потягаться или, напротив, подтверждая открытое?... Сначала холодность невесты, интриги ее мамы, страшная тоска, напавшая на Пушкина: предчувствие своей смерти и крушение мечты. Он говорил открыто друзьям: «Я чувствую: моя судьба – погибнуть на дуэли». За несколько дней до венчания, слушая подблюдную песнь цыганки Тани, Пушкин рыдал, не стесняясь... Накануне свадьбы, на мальчишнике, поэт был так удручен, так печален, что друзьям стало неловко. Вот вам и счастливый жених... Долгие годы мне было не понятно предсвадебное настроение поэта. Теперь вот стало понятно, но об этом потом...

А знаки свыше продолжались: во время венчания упал с аналоя крест, в руках поэта погасла свеча, упало пушкинское кольцо, первым устал шафер, державший венец над головой жениха... У матери новобрачной разбилось зеркало: «Добра не будет!» – пророчески воскликнула Наталья Ивановна... Видимо, судьбу не перехитришь...

На мой взгляд, трагедия Пушкина в том, что взял жену не под стать себе. Вернее, не взял. Дали, соединили совершенно разных, духовно не соединяемых людей... Понимал ли это он? Конечно, понимал. Нам известно, что поэт поостыл за время сватовства. Получил откровение? Увидел, что скрывается за красивым фасадом?

Из письма к Н. И. Кривцову от 10 февраля 1831 года: «Женат – или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне

не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. (Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. – франц.) Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. *Будущность является мне не в розах, но в строгой нагоде своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты* (запомним эти слова. – Н.К.) ... Всякая радость будет мне неожиданностью».

Странные мысли для молодожена! Почему Пушкин хандрит? Предчувствие об ожидавшей его будущности не обманывало чуткого сердца поэта. С какой-то обреченностью после женитьбы он пишет сестре: «Боюсь, Ольга, за себя, а на мою Наташу не могу иногда смотреть без слез; едва ли мы будем счастливы, и свадьба наша, чувствую, к добру не приведет. Сам виноват кругом и около: из головы мне выпало вон не венчаться 18 февраля, а вспомнил об этом поздно – в ту минуту, когда нас водили уже вокруг аналая».

Друзьям после свадьбы писал, что счастлив. Мы не можем не верить ему. Ослеплен новизной? Торжествует? Добился-таки: молодая, красивая, невинная девочка принадлежит ему. Но сексуальное влечение – не единственная составляющая брака. Марина Цветаева отмечала непреодолимую силу, соединившую несоединимое: «Пара друг от друга. Пара – врозь». Она называла Наталью Николаевну просто роковой женщиной, «то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место». Пушкину нужна не просто красивая кукла, ему нужна умная жена – помощник, единомышленник, хозяйка, заботливая мать его детей... Всех этих качеств Натали, увы, лишена.

Современные защитники Гончаровой, реабилитируя ее от свидетельств и мнения современников, ссылаются на письма Пушкина в ее адрес. Но они, ослепленные любовью, правда, не понятно, на чем основанной, не понимают, что поэт и в письмах воспитывает свою «женку». Он пытается приобщить ее к делам семейным, сделать из нее хозяйку и помощницу. Да и вспомним, какие он поручения ей дает: исключительно бытового и коммерческого содержания. «Повидимому, она была не лишена известной практической сметливости, ей можно было даже поручить несложные деловые переговоры, – писал Ходасевич. – Но вся идейная и поэтическая жизнь Пушкина была ей недоступна». Заметим, Пушкин никогда не теряет в письмах к жене простодушного тона, видимо, под стать ей. Самые тяжкие упреки звучат у него как шутка. В этом мы убедимся позднее.

Вот еще одна немаловажная деталь к вопросу: любил ли Пушкин Натали.

Прежде, по различным источникам, было принято считать, что стихов, посвященных Натали, было от пяти до семи. А.Костин, проведя большую изыскательскую работу, весьма убедительно, в том числе опираясь и на время написания шедевров, доказывает, что эти стихотворения были посвящены другим женщинам. Вдумаемся: ни до женитьбы, ни после Пушкин не посвятил своей мадонне ни одного лирического произведения, рождавшегося прежде на фоне страстной и, как свидетельствуют строки лирических шедевров, возвышенной любви... А здесь страстное влечение к юной любовнице (должна же жена быть и любовницей) не пролилось стихами. Для Пушкина это больше чем странно...

С одной стороны, это можно объяснить: из биографии поэта мы знаем, что каждая новая влюбленность Пушкина служила источником его поэтического вдохновения. Заметим, что он влюблялся в красивых и очень умных женщин... Например, Анна Абамелек, отличавшаяся необыкновенной красотой, обладала большими лингвистическими способностями, владела английским, французским, немецким, греческим. В 17 лет ее имя стало известно читающей публике: были опубликованы в ее переводе на французский стихотворения «Талисман» А.Пушкина, «Чернец» И.Козлова. На нее обратили внимание во дворце и пожаловали во фрейлины к ее императорскому величеству, но это не сказалось на образе ее жизни – она продолжала жить с родителями в Москве, бывая в Петербурге наездами.

Впрочем, есть и еще одно объяснение «бессловесной» страсти Пушкина к жене. Но мысли о том, что было открыто Пушкину о будущем, оставим до времени. Посмотрим, как развивались события в реальной жизни.

Итак, приходится признать: «любовная лирика практически исчезла из его поэтического творчества к середине 30-х годов, поскольку иссяк ее родник – любовь к женщине..., но... во всю мощь зазвучал иной мотив – трагической песни о близкой и неотвратимой смерти». Такое заключение делает А.Костин.

Это женатый Пушкин признается в стихах: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Но «давно задуманный побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег» ему осуществить не удалось, слишком далека была Наталья Николаевна от понимания того, чем жил ее муж и от чего страдал.

Литературоведам, так любящим ссылаться на письма Пушкина к жене, заклинаящим, что поэт ее любил, хочется напомнить, что письма нельзя читать без ссылки на время, в которое они были написаны, на ситуацию, в какой писавший оказался.

Практически во всех письмах к жене Пушкин то с юмором, то с нескрываемой тревогой уговаривает ее не кокетничать: «...кокетничать я тебе не мешаю, но требую от тебя холодности, благопристойности, важности – не говорю уже о беспорочности поведения, которое относится не к тону, а к чему-то уже важнейшему. Охота тебе, женка, соперничать с графиней Соллогуб». Это писал он из Болдина 21 октября 1833 года. Так отец увещевает свою беспутную дочь...

Его тревожит поведение жены. Впрочем, к письмам поэта на эту тему мы еще вернемся.

К сожалению, писем Натали к мужу у нас нет. Известна только приписка Натали Николаевны в письме ее матери к Пушкину. Вот как комментирует ее П. Е. Щеголев: «Слова катятся по этим гладким, ровным французским строкам, как пасхальные яйца по искусственным горкам, не за что ухватиться, не из чего извлечь ни одной индивидуальной черточки: до чего бессодержательно, плоско сообщение Н. Н. Пушкиной. Но, быть может, бессодержательность и есть основная характерная особенность эпистолии жены Пушкина; быть может, и не дошедшие пока до нас письма имеют то же отличие. В таком случае, какой уверенный и навязчивый штрих в картине пушкинских будней!».

Да, критик уловил главное – отсутствие духовного родства. Вот почему Пушкин убежал к Россет, чтоб поговорить о жизни и литературе, уезжал в Тригорское, где душа его отдыхала, а ум получал пищу...

«В письмах Натали Николаевны к брату, дошедших до нас, практичность, провинциальная пошлость, бесконечные просьбы прислать денег. Письма Пушкина, в свою очередь, есть свидетельства того, как поэт приравнивается к уровню и вкусам провинциалки-жены. Если в его письмах к ней идет речь о литературе, то только с точки зрения извлечения доходов. А если о жизни, то единственно о тривиальных сплетнях, кокетстве, ревности. Пытался ли он поднять ее, заинтересовать, сделать образованней, ближе к себе по духу? Убедился, что это невозможно, или первоначально отделил свою деловую и духовную жизнь от семейной и жил этой жизнью с другими, не очень допуская жену в свою святая святых?» – пытается разобраться в ситуации А.Костин.

Натали даже не понимала, до какой степени безвкусно, будучи женой первого поэта России, писать стихи. Пушкин, старавшийся изо всех сил приукрасить ее в своих собственных глазах и глазах друзей, избегал даже читать их...

Порой мне в голову приходят крамольные мысли – далеко не случайно «пропали» письма Натали к мужу...

За строчками ее писем ко второму мужу – Ланскому – не видно человека: какой он, что у него на душе, в них – ни чувств, ни эмоций. Те же гладкие строчки, те же темы... А именно в письмах лучше всего проглядывается внутренний мир человека.

Пушкин, в голове которого буквально сталкивались мысли: так их было много, постоянно вынужденный задумываться над прозой жизни: где взять денег, как уладить дела с издателями и кредиторами, – не знал душевного покоя.

А что же жена, дававшая у алтаря клятву разделить с мужем и радости, и горести?

Вот как проводила свой досуг многодетная мать Наталья Николаевна, беременная. Дадим слово не кому-нибудь, а матери Пушкина, Надежде Осиповне, которая, к чести ее, не сказала ни одного дурного слова о своей легкомысленной невестке: «Натали на всех балах... она всякий день возвращается в 4 или 5 часов утра, обедает в 8 (вечера. – Н.К.), встанет из-за стола, чтобы взяться за туалет и мчаться на бал». А как же дети, которые днем имеют обыкновение бодрствовать? А обязанности жены и хозяйки?

Почитаем воспоминания современников и друзей поэта. Все повторяют одно и то же: жена Пушкина – красавица. И друзья Пушкина, как писал Ходасевич, один за другим при первой встрече как бы спешили отдать дань восхищения ее красоте – надо же что-то сказать из вежливости, – чтобы уже потом как бы не замечать ее. При этом не мешало вспомнить слова Туманского, побывавшего в гостях у новобрачных, поэта, который видит зорче простых смертных: «Не воображайте, однако же, что это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина – беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна: а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у нее нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду, что у нее нет ни опрятности, ни порядка, о том свидетельствовали запачканные салфетки, и скатерть, и расстройство мебели и посуды».

А. Н. Вульф заехал в Петербург, чтобы навестить Пушкина. Вот что он записал в своем дневнике: «...удостоился я лицезреть супругу А.Пушкина, о красоте которой молва далеко разнеслась. Как всегда это случается, я нашел, что молва увеличила многое».

В окружении поэта не было человека, который нашел бы в жене поэта что-нибудь, кроме красоты. А Соболевский, лучший друг Пушкина, назвал Натали просто глупой. О «недалекости ума этой женщины» писал и Ал. Карамзин, рассказывая о том, что за год ее «почти свели с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении».

М.Цветаева говорила о ней как об олицетворении пустоты: «Было в ней одно: красавица. Только – красавица, просто – красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч». Протоиерей С.Булгаков говорит, что «эта красота была только красотой, формой без содержания, обманчивым сиянием. В ней соединились «мадонна» и фрейлина петербургского двора, светская дама с обывательской психологией». И дальше: «В ослеплении влюбленности Пушкин называл эту прозаическую посредственность даже и «мадонной», явно смешивая и отождествляя внешнюю красоту и духовную святость».

Но она не оказалась ни хозяйкой, как ни старался Пушкин свить семейное гнездо, ни музой. Ее призвание – быть царицей балов. Его же «уделом был поиск денег во что бы то ни стало на туалеты жены и светскую жизнь».

Интересно, как развивается дальше мысль С. Булгакова. Он утверждает, что «не будь Гончарова красавицей, Пушкин прошел бы мимо, ее просто не заметив...

Но он сделался невольником – уже не красоты, а Н.Гончаровой. Он потерял свободу, которая представляла суть его существования. В такой атмосфере «семейного быта» Пушкин задыхался, искал смерти. Так жить он не мог, и такая его жизнь неизбежно должна была кончиться катастрофой».

О трагическом значении любви Пушкина к Натали пишет и крупнейший русский мыслитель И. А. Ильин. Он дает ей такую характеристику: «Духовный уровень его жены нисколько не соответствовал его гению: красивая, холодная, неумная и неразвитая, она не понимала его, не видела его огня и полета и предавалась в свете легкомысленному безответственному и пустому флирту... Она не ценила его стихов».

Больше того, «она не умела его беречь и не видела его жгучей ревности». Она разжигала в нем эти бушующие страсти ревности. «Ревности припадки – это болезнь, – писал сам Пушкин, – так точно как чума... как повреждение ума. Мучительней нет в мире казни ее терзаний роковых:

Поверьте мне: кто вынес их,
Тот уж, конечно, без боязни
Взойдет на пламенный костер
Иль шею склонит под топор»...

На портретах всех светских красавиц привлекают внимание прежде всего глаза – открытые, смотрящие прямо на вас, во взоре которых читается: вот я, мне нечего скрывать. На портретах Натали глаза безмолвствуют, их словно нет. Они чем-то подернуты, затуманены, полуопущены. Вся она холодно-безжизненная, закрытая...

Если суммировать все высказывания знавших Натали, то получится очень краткая, но емкая характеристика Натальи Николаевны: она красивая и... никакая.

Да и с чего ей быть какой?

Выбравшись из своего полотняного бытия, привлекая внимание света не только красотой, но и тем, что была женой первого поэта России, она словно сорвалась с цепи.

Многие ее защитники без усталости повторяют, что мать, имеется в виду Наталья Ивановна, воспитывала своих дочерей в строгих правилах, они ее боялись и не смели ослушаться. И приводят пример: Натали, будучи невестой, не посмела выйти к жениху, примчавшемуся с войны, без разрешения маменьки, в тот час еще почивавшей. Вот то-то и оно, что воспитание зиждилось на страхе – ни на уважении, ни на личном примере. Сама-то маменька декларируемых правил поведения не придерживалась. И когда вожди ослабли и страх пропал, а нравственной основы не было и не было других примеров поведения, кроме маменькиного, тогда беда и случилась... Воспитанные на двойных стандартах считают, что все можно, лишь бы удалось сохранить тайну...

В народе говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. И это истинное суждение. Среди дам высшего света, где так любила вращаться жена поэта, было много умных, высокообразованных женщин, и молодых тоже. Но она выбрала себе единственную подругу – Идалию Полетику, «пошлую сплетницу, интриганку, женщину сомнительной репутации», да еще яростно ненавидевшую ее мужа. Мне лично не понятно, как можно дружить с человеком, который ненавидит твоего самого близкого, самого родного, с которым ты продолжаешь делить кров и постель.

Кто такой Пушкин в масштабах истории, каждый знает. Но Натали этого не хотела знать, она мужа не любила и не понимала. Ей был дорог и близок красавец Дантес, слывший в свете пошловато-остроумным. Вспомним, какие из его шуточек передавали из уст в уста: это и про трех жен падишаха, и чье тело – Натали или Катрин – («мозоль» – «тело» – игра французских слов) лучше... «Дантес был пустым мальчишкой, забавный тем, что отсутствие образования сочеталось в нем с природным умом, а в общем – совершенным ничтожеством как в нравственном, так и умственном отношении». Такую характеристику Натальиному обожателю дает хорошо знавший его человек – А. Карамзин. Внук Дантеса писал, что за всю свою жизнь его дед не прочитал и трех книг... Разящее откровение.

Давайте вспомним, при каких обстоятельствах Дантес стал Геккерном. Его, взрослого офицера, усыновляет 45-летний барон, и вскоре в свете догадываются почему. Открыто ходят разговоры об этой парочке... Не мужчина – продажная девка – да еще на глазах влюбленного в него «старика» успевает ухаживать и за дамочками... И она, мать семейства, упивается островами этого безнравственного пошляка, не гнушавшегося никакими низкими способами для

достижения цели... Вот кому отдала свое сердце Натали, когда рядом был образованнейший, умнейший человек эпохи, «невольник чести» Пушкин, возмущавшийся, что царь ждет от него, шестисотлетнего дворянина, унижений и поэтических дифирамбов...

Какой величины человек шел с ней по жизни, Натали не понимала, когда выходила замуж, и, прожив шесть лет, не поняла – сначала по младости лет и по характеру полученного в семье воспитания, но больше всего по «складу и объему своего ума». К сожалению, все ее бытие сосредоточивалось на физическом плане. Когда она не рожала, то сияла, блистала, наряжалась, выезжала, даже беременная. Она и ребенка – третьего по счету – выкинула сразу же после бала, где, по словам современников, «загоняла себя в гроб, танцуя целые вечера напролет». Пушкин описал это событие в своем дневнике кратко, но выразительно: «доплясалась».

Столь бурная светская жизнь требовала больших денег.

Когда Пушкина нарядили в камер-юнкерский мундир, чтобы красавица жена могла появляться на интимных балах в Аничковом дворце, одна только Наталья Николаевна не поняла, «почему при известии об этой милости у Пушкина глаза налились кровью и его пришлось буквально поливать холодной водой».

Первого января 1834 года Пушкин пишет в дневнике: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове». «26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: «Он мог бы дать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему». Поэт нарочито дерзит, откровенно ищет поводы не посещать эти интимные вечера... И тому есть причина.

Он, не скрывая боли, иронизирует: «Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а сделал смешным – а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским Вокабулам и арифметике». Конечно, он недоволен, ему обидно, он понимает причину «пожалования» ему звания. Раздражение скрывает за шуткой: «Великий князь наместник поздравил меня в театре: покорнейше благодарю Ваше Высочество; до сих пор все надо мною смеялись, Вы первый меня поздравили». Высший свет смеется, а он сохраняет внешнее спокойствие. Даже Софья Николаевна Карамзина поверила: «...ездит по балам и наслаждается торжественной красотой своей жены». Только в разговорах с друзьями он дает себе волю. Алексей Николаевич Вульф в дневнике от 19 февраля 1834 года записал: «Самого поэта я нашел мало изменившимся, но сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что он возвращается к оппозиции, но это едва ли не слишком поздно...»

Более подробно о реакции Пушкина говорит Н. М. Смирнов: «Пушкина сделали камер-юнкером; это его взбесило, ибо сие звание, точно, было неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтоб иметь повод приглашать ко двору его жену. Притом на сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателем, малодушен, и он, дороживший своею славой, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикой и не лишило его народности». Сестра Пушкина, Ольга Сергеевна Павлицева, писала, комментируя это назначение, что Натали была счастлива. Это тогда, когда мужа едва не хватил удар. В письмах родителей поэта в этот период преобладают упоминания о выездах и успехах Натальи Николаевны. Они то радуются триумфу своей невестки, то ворчат по поводу ее чересчур рассеянного образа жизни. Не могут они не видеть, что стоит их сыну неизменная элегантность Натали и дорогой дом, который она сняла.

«В ту пору, когда ему всего необходимее было сохранить независимость в собственных глазах и в глазах общества, своими тратами она вынуждала его принимать закабаляющую помощь со стороны правительства», – возмущался Ходасевич. Мало того, что жизнь собственной семьи требовала огромных трат, родители Пушкина совсем расстроили свои имения, и Александр Сергеевич осознал необходимость взять в свои руки управление ими. Надо было выйти в отставку и поселиться в деревне. Он и подал прошение царю. А что из этого вышло, мы знаем и из писем поэта.

Вот что он пишет жене 14 июля 1834 года, она была в это время под Москвой у родных: «На днях хандра меня взяла: подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой абшид, что я вструхнул и Христом Богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их маменька ужас как мила была на Аничковых балах. Ну, делать нечего». А вот выдержка из письма к В. А. Жуковскому от 6 июля 1834 года: «Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие – какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять всё-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем: гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердце – но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.